

Изнутри слышались суетливые звуки, будто кто-то торопился, и лишь спустя некоторое время тетушка Чэнь открыла дверь. Её лицо и руки были испачканы кровью, брызги которой разлетелись повсюду. Янь Сюй был несколько напуган и осторожно спросил:

— Что случилось...

Тетушка Чэнь улыбнулась, но её улыбка была немного безумной. Она тихо сказала:

— Я только что зарезала петуха, это оказалось проще, чем я думала.

— Как бы он ни был силён, он всё же существо из плоти и крови. Одного удара ножом хватило, чтобы покончить с ним.

Она прикрыла лицо руками, но её мышцы уже не слушались, вены на коже явно выделялись, зрачки исчезли, оставив только белки глаз. Уголки её рта поднялись вверх, губы неестественно растянулись.

Янь Сюй вспомнил, что брат Чэнь и тетушка Чэнь были куриными оборотнями. Неужели петух, о котором говорила тетушка, был...

Он сглотнул слюну, отступил на шаг назад, и ощущение ужаса пробежало от пяток до макушки.

С трудом Янь Сюй добежал до своего дома, налил себе стакан холодной воды и выпил залпом, но сердце продолжало бешено колотиться.

Цзин Цичэнь держал в левой руке Дань-Даня, а в правой — Сяо Дуньэра, словно настоящий заботливый отец. Увидев, что Янь Сюй вернулся и взглянув на его вид, он понял, что тот испугался:

— Я же говорил тебе не ходить туда, но ничего страшного, всё скоро закончится.

Однако Янь Сюй не понял намёка Цзин Цичэня и, растерянный, сел рядом с ним.

Но у Цзин Цичэня не было времени уделять внимание Янь Сюю, все его мысли были сосредоточены на Дань-Дане. Он положил Сяо Дуньэра на диван, а Дань-Дань продолжал дёргаться, словно переключился с звонка на режим вибрации.

Цзин Цичэнь поднял Дань-Даня обеими руками и сказал Янь Сюю:

— Кажется, Дань-Дань собирается вылупиться.

Янь Сюй замер, растерянно спросив:

— Что мне делать? На что обратить внимание?

К этому моменту Дань-Дань уже перестал дёргаться, и Янь Сюй увидел, что на скорлупе

появилась небольшая трещина, явно образовавшаяся изнутри. Сердце Янь Сюя замерло, и он пристально уставился на Дань-Даня.

Он понимал, что это, возможно, самый важный момент в его жизни.

Время шло минута за минутой, и трещина на скорлупе становилась всё больше.

Янь Сюй нервничал, будто сам собирался вылупиться, и в отчаянии схватил руку Цзин Цичэня.

К счастью, Цзин Цичэнь не возражал, а лишь похлопал Янь Сюя по плечу, словно пытаясь придать ему сил.

Скорлупа медленно трескалась, но процесс был невероятно долгим. Хотя в комнате работал кондиционер, на лбу Янь Сюя выступили капли пота. Он смотрел на Дань-Даня с такой сосредоточенностью, что ничто не могло отвлечь его внимание — настоящий образец глупого отца.

Цзин Цичэнь незаметно передавал Дань-Даню свою жизненную энергию. Вылупление оборотня было не таким простым делом, как он говорил. Это был процесс, полный опасностей. Если бы все оборотни рождались так легко, то какое бы место осталось для людей?

Оборотни, обладающие большей продолжительностью жизни и силой, явно имели преимущество перед людьми в борьбе за выживание.

— Почему он ещё не вылупился? — с тревогой спросил Янь Сюй Цзин Цичэня, уже не в силах усидеть на месте и начав ходить по комнате.

С момента начала вылупления прошло уже пять часов, и трещина на скорлупе становилась всё больше. Несмотря на все призывы Янь Сюя, Дань-Дань не подавал никаких признаков жизни. Огромное беспокойство охватило Янь Сюя.

Цзин Цичэнь мог лишь успокаивать его:

— Оборотни отличаются от людей. Успокойся, всё будет в порядке.

Он чуть не произнёс слова «я здесь», но остановился. Цзин Цичэнь чувствовал, что сходит с ума — он никогда не был тем, кто заботится о других и беспокоится за них.

Уже было шесть часов вечера, и Янь Сюй сказал Цзин Цичэню:

— Отведи Сяо Дуньэра поесть, а я останусь здесь.

Цзин Цичэнь кивнул и взял Сяо Дуньэра на руки — сейчас мальчик был таким худым и маленьким, что даже не верилось, что он уже школьник. Держать его на руках казалось вполне

естественным.

— Что хочешь поесть? — спросил Цзин Цичэнь Сяо Дуньэра.

Мальчик грыз ноготь, глядя на крайне взволнованного дядю Яня и на всё ещё пытающегося вылузиться Дань-Даня. Несмотря на свой возраст, он сказал совсем не по-детски:

— Дядя Цзин, давай просто поедим что-нибудь! Можно даже кашу, чтобы побыстрее вернуться и посмотреть на братика Дань-Даня.

Цзин Цичэнь погладил голову Сяо Дуньэра и понёс этого худенького ребёнка вниз: «Разве можно есть кашу, когда он такой худой?»

Затем он отвел Сяо Дуньэра поесть тушёной свинины, но из-за того, что мальчик очень переживал за Дань-Даня, пришлось упаковать еду с собой.

Дань-Дань, который до этого не подавал признаков жизни, начал шевелиться, как только в комнате распространился аромат тушёной свинины. Трещина на скорлупе стала увеличиваться быстрее, чем за все предыдущие часы.

Янь Сюй: «...»

Сяо Дуньэр, продолжая есть, сказал:

— Дядя Янь! Иди сюда! Тушёная свинина просто объедение!

Мясо было блестящим, аппетитно красным, но при этом нежирным — идеальный кусок свинины.

Дань-Дань, похоже, услышал это, и его тело начало раскачиваться из стороны в сторону, движения становились всё сильнее. Янь Сюй не мог оторвать взгляда от Дань-Даня, сидя на диване. Под влиянием запаха еды скорлупа наконец треснула, образовав отверстие.

Однако внутри было темно, и Янь Сюй не мог разглядеть, что там находится. Внезапно его охватило беспокойство — а вдруг Дань-Дань окажется крокодилом? Если он будет таким большим и не сможет превращаться, как они будут его содержать? В таком маленьком пространстве ему будет тесно.

Вскоре Янь Сюй увидел, как из маленького отверстия высунулась крошечная белая ручка. Он сдержал порыв схватить эту ручку, сглотнул и даже не моргнул.

Цзин Цичэнь, сидевший за столом, не ел. В момент, когда Дань-Дань вылутился, он словно получил удар током. Весь Феникс был в шоке.

Мощный всплеск духовной энергии, исходивший от вылупления Дань-Даня, был точно таким же, как его собственный. Неужели...

Но они с Янь Сюем никогда раньше не встречались, не говоря уже о каких-либо недружественных отношениях в постели.

Цзин Цичэнь был как зависший старый компьютер — не стоит ожидать, что он сейчас сможет разобраться в ситуации. Он был всего лишь несчастным старым Фениксом, внезапно осознавшим, что стал отцом, а мужчина, который выносил Дань-Даня, даже не знал, что это яйцо Феникса, и не знал, кто второй отец.

Скорлупа наконец полностью раскололась, развалившись на части на диване.

Посреди осколков сидел пухлый малыш, похожий на человеческого младенца нескольких месяцев от роду. У него были большие глаза, белоснежная кожа, пухлые ручки, как у младенца, и румяные щёчки. Он выглядел как малыш с новогодней открытки, настолько милым, что хотелось его съесть.

Дань-Дань протянул ручки, прося папу взять его на руки. Янь Сюй осторожно поднял его — раньше он дал ему имя Дуодо, но потом решил, что это не очень подходит, поэтому продолжал звать его Дань-Данем.

Однако первое слово Дань-Даня было не «папа», не «дядя» и даже не плач.

Обняв папу за шею, он тоненьким голоском сказал:

— Мяско!

Янь Сюй последовал взглядом Дань-Даня и увидел на столе тушёную свинину, сразу поняв, чего хочет малыш... Но разве младенец может есть тушёную свинину? Сможет ли он её прожевать?

В этот момент подошёл Сяо Дуньэр, а Цзин Цичэнь всё ещё сидел за столом, находясь в состоянии полного шока. Он вспоминал все события последнего года, даже тех, с кем он здоровался за руку, но точно не мог вспомнить встречи с Янь Сюем.

Даже до переезда сюда он почти не общался с людьми.

Как Феникс, он был очень разборчив в выборе партнёра. За все эти долгие годы он ни с кем — ни с оборотнями, ни с людьми — не вступал в отношения.

Феникс не сядет ни на какое дерево, кроме тутового, не будет есть ничего, кроме плодов бамбука, не станет пить ничего, кроме чистой родниковой воды, и не станет уважать ни одну птицу, кроме белой.

Он скорее пролетит от Северного моря до Южного, но не сядет ни на какое другое дерево,

криме туового. Такова его природа.

Если даже к дереву он так привередлив, то что уж говорить о партнере.

<http://bllate.org/book/15574/1386781>